

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-924-931

EDN: FDBWCF

Человек против смерти: идентичность, язык, технологии*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Д. Дугласа «Смерть, ритуал и вера. Риторика погребальных обрядов» (М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.). Автор отмечает рост интереса общества к проблеме смерти и предпринимает попытку систематизировать ключевые для современности аспекты данного феномена: от погребальных обрядов в различных культурах до околосмертных переживаний и теорий горя. В рецензии акцент сделан на двух центральных идеях книги: как слова и ритуалы влияют на преодоление смерти и как феномен смерти сказывается на идентичности человека. В рецензии обозначены как сильные стороны книги, так и те ее аспекты, что требуют дальнейшего изучения, в частности, это влияние технологий на восприятие обществом смерти (современные междисциплинарные исследования под общим названием «digital death studies»).

Ключевые слова: смерть; ритуал; язык; идентичность; digital death studies

В последние годы смерть стала более важным предметом междисциплинарных исследований, интересую представителей самых разных дисциплин: биологов, медиков, философов, психологов, социологов и многих других, что не удивительно, учитывая, какую роль смерть играет в нашей жизни (как бы иронично это ни звучало). Научное сообщество стало свободнее рассуждать о смерти: проводятся междисциплинарные исследования («death studies»), издаются научные журналы, организуются конференции, открываются специальные центры по изучению данного феномена [3]. Однако говорить, что он достаточно изучен (хотя бы в своем социальном измерении), пока преждевременно. Этические аспекты нередко становятся непреодолимыми барьерами для изучения смерти, и особенно остро это ощущают представители социологической науки: люди далеко не всегда готовы обсуждать эту табуированную тему даже со своими близкими, не говоря уже об участии в социологических интервью. Вероятно, со временем данная проблема утра-

---

*© Субботина М.В., 2023

Статья поступила 15.03.2023 г. Статья принята к публикации 16.10.2023 г.

тит свою остроту (что следует из растущей потребности общества в «осознании смерти»), но пока говорить об этом рано.

Д. Дуглас начинает книгу с утверждения, что с момента публикации первого издания (в 1997 году) интерес к смерти существенно возрос, что обусловлено постепенным осознанием рисков повседневной жизни и глобальных угроз (эпидемии, терроризм, природные катаклизмы и т.д.). Кроме того, постмодернистский контекст — когда время и пространство концентрируются в непосредственной «близости-осознанности» — заставляет воспринимать риски как нечто локальное и близкое (С. 4), и мир уже не кажется защищенным. Помимо этого сегодня мы имеем огромное количество источников информации о смерти: с одной стороны, археологи и историки описывают обряды смерти в разных культурах, социологи и антропологи рассуждают о современных практиках погребений и траурных ритуалах; с другой стороны, люди, пережившие утрату, все чаще делятся своим опытом в публичном пространстве. Все это заставляет чаще задумываться о смерти и искать способы ее преодоления (хотя бы на эмоциональном уровне).

Книга состоит из пятнадцати глав, в которых рассмотрены разные стороны феномена смерти. Однако автор отмечает, что его текст — лишь вершина айсберга, и каждый из затронутых аспектов смерти требует дальнейшего изучения. Пытаясь рассмотреть смерть во всем многообразии ее социальных, психологических и культурных проявлений (что не всегда удается, и текст кажется излишне фрагментированным), Дуглас считает центральным вопросом то, каким образом люди борются со страхом смерти и смиряются с ее неизбежностью. Если бы человек в полной мере осознавал смерть и думал о ней слишком долго (смерть все еще неразрешимая проблема), он потерял бы всякую мотивацию к жизни (С. 33). Другими словами, поиск методов борьбы со страхом смерти можно считать одной из фундаментальных задач, от решения которой зависит существование человечества.

Книга охватывает огромное количество аспектов, связанных с феноменом смерти, в чем ее несомненный плюс. Автор описывает похоронные обряды и траурные церемонии народов практически со всех частей света, поражая читателя масштабами проделанной работы. В рамках рецензии невозможно прокомментировать все находки и выводы автора, поэтому акцент будет сделан на двух его ключевых идеях: роль слов в борьбе людей со смертью и проблема соотношения смерти с идентичностью.

Для обозначения обрядов и практик, которые люди используют, чтобы приспособиться к неизбежности смерти, автор использует формулировку «слова против смерти»: язык как способ коммуникации и самовыражения — основной способ осознания и реагирования на смерть. Погребальные ритуалы — адаптивная реакция человека на смерть, а ритуальный язык и похоронная практика — важнейшая форма ответа на смерть. Аргументируя эту позицию, Дуглас рассуждает так: человек обладает самосознанием;

язык — важнейший инструмент самосознания; смерть — вызов самосознанию; соответственно, язык должен выступать в качестве ответа на этот вызов. Погребальные обряды формируют словесный ответ в связке с другими поведенческими особенностями, музыкой, движениями, локацией, мифами и историей, что позволяет человеку и обществу в целом адаптироваться к неизбежности смерти (С. 7).

Язык влияет на людей, даруя возможность структурировать мысли, направлять эмоции и создавать новые ситуации, особенно в критические моменты жизни. Когда человек имеет дело со смертью, язык особенно значим (например, выражение сочувствия, слова утешения, хвалебные речи об умершем). Автор говорит о «риторике скорби», отмечая, что в последнее время набирают популярность похороны, «посвященные жизни», когда акцент делается на том, какую жизнь прожил человек, а не на том, какой утратой для всех стала его смерть. Иногда к проведению церемоний привлекают специалистов, которые находят правильные слова для описания жизни умершего с учетом контекста мероприятия. Как правило, мертвых оценивают исходя из сформировавшейся в семье системы ценностей (С. 21). Ранее такая практика реализовывалась в основном на похоронах известных людей (спортсменов, музыкантов, политиков) или в случае трагедий, которые потрясли общество, а сегодня получила широкое распространение, что может иллюстрировать некоторый поворот в оценке смерти.

В тексте упомянуты идеи Э. Дюркгейма, который отмечал положительную функцию обрядов смерти и писал о значимости ритуалов как инструментов, что интегрируют сообщество и формируют индивидуальное чувство трансцендентного (С. 24). Отмечено, что во многих культурах присутствуют обряды инициации, которые имитируют разные этапы жизни и завершаются символической «смертью» («смерть» мальчика и «рождение» мужчины); новое «рождение» и победа над духовной смертью в обряде крещения (С. 36), т.е. человечество борется со смертью, «проживая» ее при жизни, символически освобождаясь от оков и продолжая свой земной путь.

Рассуждая о «словах против смерти», автор отмечает, что о сотнях тысяч людей, погибших в годы Второй мировой войны (хотя количество погибших исчисляется миллионами), сегодня говорят в контексте патриотической риторики, прославляя их жертву, которая позволила сохранить жизнь еще большому количеству людей. Таким образом, «слова против смерти» провозглашают важность жизни согласно общественной морали (С. 57). «Слова против смерти» используются и официальными лицами, когда необходимо высказаться о резонансной трагедии: обещания наказать виновных, предотвратить последствия, извлечь уроки и т.д. Автор полагает, что человечество обладает универсальным инструментом для преодоления кризисных ситуаций: слова

и ритуалы — естественная ответная реакция на глобальную проблему, которую никто не в состоянии решить. Использование «слов против смерти» автор трактует как ритуализацию оптимизма в словесной форме, называя ее главным достижением человечества (С. 39). Данная тема перекликается с концепцией символического интеракционизма и может стать предметом изучения социологии языка.

Дуглас рассуждает и о влиянии феномена смерти на идентичность человека. Эта проблематика оказывается многогранной: осознание и формирование идентичности в условиях понимания своей смертности; влияние боли утраты и горя на идентичность, трансформация идентичности человека при потере близкого (жена становится вдовой, ребенок — сиротой и т.д.); соотношение выбранных погребальных обрядов с идентичностью умершего и т.д. В качестве примера можно привести рассуждения автора о горе: большинство людей изначально воспринимают горе как слово, используемое в отношении других, но, когда сами сталкиваются с потерей близкого человека, слово «горе» насыщается эмоциями и трансформируется в ценность. Постепенно динамика горя становится частью личности человека, способствуя его осознанию идентичности (С. 11).

Автор отмечает, что понятие «идентичность» трудно определить, так как оно затрагивает философские и антропологические вопросы, которые связаны с самосознанием, самоопределением и групповой принадлежностью (они различаются в разных культурах). В книге термин «идентичность» используется для обозначения того, как люди воспринимают себя по отношению к другим, к миру вокруг и зачастую (так как речь идет о смерти) к сверхъестественным сферам. Идентичность — результат самосознания, встроенный в определенный язык (С. 13), и самоосознание, выраженное публично. В момент смерти меняется идентичность как умершего, так и его близких. Идентичность формируется на протяжении всей жизни под влиянием внутрисемейных отношений и подвергается трансформации в случае утраты кого-то из членов семьи. Идентичность меняется не только вследствие потери, но под влиянием новых ролей и обязанностей, которые берут на себя живые. При этом, когда горе становится воплощением эмоций от разрыва отношений в результате смерти, оно превращается в форму саморефлексии, которая подпитывается глубиной человеческой жизни (С. 15).

Автор затрагивает и тему сомнений в смерти: многие культуры придерживаются позиции, что после физической смерти незримая часть человеческой сущности продолжает «бытие». Дуглас противопоставляет эти идеи тому, какие обряды люди совершают, чтобы избавиться от дискомфорта при лицезрении разлагающегося мертвого тела (по сути, более не считается «человеком»). Он отмечает, что, помимо практических задач по утилизации тела, почти во всех обществах существует формализованный погребальный ритуал с особыми социальными и личными функциями.

ми. В некоторых культурах труп воспринимается в качестве проводника в загробный мир, поэтому неправильное обращение с ним опасно, и зачастую страх мертвых и отрицание смерти формируют традицию нанесения грима на лица и тела усопших, который имитирует внешность живого и здорового человека. Автор приводит пример индонезийских ритуалов, в ходе которых тело перед захоронением высушивается — переход из «влажного» состояния в «сухое» символизирует переход из мира живых в мир мертвых.

Таким образом, идентичность человека меняется благодаря похоронному ритуалу (С. 45). Сила погребальных ритуалов заключается и в том, что люди сталкиваются со смертью лицом к лицу и переживают ее как трансцендентность (нечто непривычное, что не вписывается в рамки их осознанности — С. 75). В случае потери идентичность человека оказывается под угрозой, потому что утрата разрывает привычную ткань жизни, меняет привычные социальные практики. Дуглас отмечает, что для человека жизненно необходимо быть частью общества, поэтому горе — биологическая реакция и естественный индикатор разрыва социальных связей (как физическая боль, когда с организмом что-то не в порядке) (С. 73).

В главе «Души и присутствие умерших» Дуглас разграничивает физическую и социальную смерть: после физической смерти человек не сразу исчезает, о нем продолжают вспоминать его близкие. После смерти человек продолжает жить в памяти других людей, являясь своего рода симулякром. В некотором смысле это напоминает идею Э. Гуссерля о соотношении естественной и феноменологической установки: естественная установка — взгляд на мир, когда человек воспринимает вещи как нечто, существующее вне его сознания, как физическую действительность, трансцендентную его сознанию; феноменологическая редукция представляет собой переход от «наивного» (естественного) восприятия мира к сосредоточению на самих переживаниях, т.е. вещественный мир «выносится за скобки», и акцент смещается на мир, который представлен исключительно в сознании человека [1].

Автор рассматривает человеческое тело как микрокосм общества: человек в ходе социализации усваивает правила, нормы и ценности, а с помощью тела транслирует свое поведение и манеру держаться, т.е. тело выступает как модель общества. Соответственно, смерть микрокосма — нечто большее, чем просто физическая смерть тела. Дуглас приводит пример: супруги, друзья и артисты являются символами брака, дружбы и славы, но, когда человек умирает, эти идеи оказываются под угрозой. Общество сталкивается с вызовом, когда одно из его воплощений в лице человека умирает. Например, в случае смерти ребенка родительство как статус ставится под сомнение, то же самое происходит с дружбой, если умирает кто-то из друзей (С. 29). Таким образом, гибель тела как микрокосма доказывает, что смерть — это

проблема, которая глубоко затрагивает социальную природу человека и тесно связана с идентичностью.

Забегая вперед (про технологии речь пойдет ниже), необходимо упомянуть современную тенденцию «оживлять» знаменитых людей на экранах. Сегодня технологии позволяют снимать фильмы с реалистичными изображениями актеров, которых уже нет в живых. И такой подход обусловлен далеко не тем, что в киноиндустрии наблюдается дефицит кадров. Дело в том, что человек является носителем определенных идей, и общество использует технологии таким образом, чтобы компенсировать утрату как самих людей, так и смыслов, которые были с ними связаны (1). Данная тенденция, если довести ее до крайности, кажется деструктивной — человек отказывается от создания чего-то нового, в том числе смыслов, подменяя новое проверенным старым.

Говоря об идентичности, автор делает еще несколько интересных замечаний. Например, что идентичность умершего иногда используется для политических целей: с одной стороны, речь может идти о сохранении останков политических лидеров, создании мавзолеев и превращении их в памятники идеологии. С другой стороны, сохранение останков правителей может привести к их осквернению в случае прихода к власти оппозиционных партий, что тоже может стать громким политическим заявлением (С. 54). В главе «Места, где умирают» Дуглас отмечает, что смерть приносит глубину в те места, где происходит, наделяя сакральным смыслом привычные локации, будь то офис или участок автомобильной магистрали (С. 226). Различные места, связанные со смертью, нагружены социальными ценностями, например, больницы — места, в которых в том числе делают аборты и проводят эвтаназию. То, что для одних людей является медицинской процедурой, другими воспринимается как преступное деяние, убийство. Так автор приходит к выводу, что смерть — источник норм и ценностей (С. 234). Приведенные примеры показывают, насколько многогранен феномен смерти и что в рамках одной книги невозможно в полной мере осветить все его аспекты (что в некоторой степени объясняет некоторую хаотичность и фрагментированность текста).

Одна из завершающих глав «Роботы, книги, фильмы и здания» повествует о культурной памяти, которая передается из поколения в поколение благодаря книгам, архитектурным сооружениям и прочим элементам искусства. Автор рассуждает о том, как музыка помогает справляться с болью утраты, как смысл и звучание музыкальных композиций позволяет человеку пережить трудные периоды и негативные эмоции, и отмечает рост популярности практики, когда люди сами выбирают музыкальные композиции, которые будут проигрываться во время их похорон. Люди склонны увековечивать себя и свои идеи в архитектурных постройках и литературе. Исходя из названия главы, складывается впечатление, что

речь в ней пойдет о влиянии современных технологий на представления о смерти, однако это не так. Единственные идеи, так или иначе связанные с технологиями, — замечания, что для нашего времени характерно широкое взаимодействие с компьютерами, онлайн-мирами и социальными сетями, включая сайты, посвященные увековечиванию памяти мертвых, а также что человекоподобные роботы вызывают у людей эмоции, схожие с теми, что вызывают другие люди, и вид сломанного/выключенного андроида запускает у человека реакцию, названную «зловещей долиной». Здесь автор не совсем корректно апеллирует к понятию: термин «“зловещая долина”» используется для того, чтобы обозначить дискомфорт и негативные эмоции, которые испытывает человек при виде человекоподобного андроида, который лишь незначительными деталями отличается от настоящих людей» [2].

Хотя последнее переиздание книги датировано 2022 годом, автор не пишет о влиянии современных технологий на феномен смерти, что несколько странно, учитывая, как активно сегодня развивается междисциплинарное направление исследований смерти в цифровую эпоху под названием «digital death studies». Его представители изучают разные аспекты трансформации восприятия смерти под влиянием современных технологий. Одна из основных тем данного направления — цифровое бессмертие («digital afterlife»): исследователи анализируют изменения в практиках скорби и ритуалах траура в связи с возникновением «виртуальных кладбищ» (как специально созданные сайты, так и профили в социальных сетях, владельцев которых уже нет в живых), рассматривают паттерны конструирования собственного образа/профиля в Интернете и социальных сетях тех людей, которые понимают и говорят о том, что после их физической смерти их аккаунт продолжит существование и будет напоминать о них живым. Иными словами, у людей появляется возможность условно повлиять на неизбежность смерти, оставив «часть себя» существовать в цифровой реальности. Вероятно, понимание этой возможности может повлиять на восприятие современным человеком феномена смерти. К сожалению, автор книги не затрагивает эти вопросы, хотя они напрямую связаны с теми, что он изучает в своей работе.

Примечание

- (1) Эволюция цифрового воскрешения актеров кино // URL: <https://design.hse.ru/news/2455>.

Библиографический список

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.
2. Катерный И.В. Каузальные объяснения эффекта зловещей долины в робототехнике: теории и исследовательские данные // *Качество и жизнь*. 2017. № 4.
3. Мохов С.В., Миленина Д.А. Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля (2010–2020) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. Т. 24. № 2

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-924-931

EDN: FDBWCF

Man against death: Identity, language, technology*

M.V. Subbotina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of the book by D. Davies *Death, Ritual, and Belief: The Rhetoric of Funerary Rites* (Moscow: NLO, 2022. 480 p.). The author notes the growing interest of society in the phenomenon of death and makes an attempt to systematize the key aspects of this phenomenon: from funeral rites in various cultures to near-death experiences and theories of grief. In the review, the emphasis is placed on two main ideas of the book: how words and rituals influence our dealing with death and how the phenomenon of death affects our identity. The review identifies both the strengths of the book and those aspects that require a further study, such as the impact of technology on society's perception of death (contemporary interdisciplinary studies called 'digital death studies').

Key words: death; ritual; language; identity; digital death studies

---

*© M.V. Subbotina, 2023

The article was submitted on 15.03.2023. The article was accepted on 16.10.2023.